

Клубные встречи

С Николаем Караченцовым, звездой "Ленкома", приятно разговаривать — о жизни, о профессии, о спорте, искусстве. Он очень доброжелателен и относится к интервью серьезно, несмотря на свою чудовищную занятость. Придя на встречу, я застала его спящим в гримерке на диване. Объяснил: чтобы ехать на съемки, пришлось встать в тот день в шесть утра.

**Николай
КАРАЧЕНЦОВ:**

Гулять по ночам лучше без пистолета

— Тяжело вставать рано?

— Очень. Ночная работа, тексты, дела.

— Это правда, что вы по ночам гуляете с собакой?

— И без собаки тоже. Люблю гулять. Я житель центра, родился на Чистых прудах. Однажды, когда было неважное самочувствие, пошел пройтись. И так понравилось.

— Вам не страшно гулять по ночам?

— Не хотел бы, чтобы это прочли те, кто захочет погуглить меня. Как-то гуляю с приятелем, навстречу — трое "новых русских": "Гляди, Караченцов, мой любимый артист. Давай, убьем его на... за это". Хорошо, приятель затаячил меня в какой-то подъезд... Как только я начну бояться гулять по ночной Москве, надо уезжать. Тогда это не моя Москва.

— А собака ваша может прийти на помощь?

— У нее пока не было повода, у нашей Мили, которая очень породистая — лабрадор-ретривер.

— Но оружие-то у вас есть?

— Года два назад мне подарили газовый пистолет. Я никогда им не пользовался. Это в кино хорошо получается. Лучше "отмахатьсь".

— Вы азартны?

— Мой азарт проявляется в работе. Казино меня не прельщает, хотя я могу "поспорить" на что-то. Теннис и работа — только здесь он проявляется. Мне некогда играть в азартные игры.

— Что заставляет известного артиста принимать участие в рискованных предпринятиях — таких, например, как спектакль "Чешское фото" с Александром Калягиным, который ставит непрофессиональный режиссер, драматург Александр Галин?

— Наверное, здесь тоже есть доля азарта и авантюризма. Любая роль — даже самая роскошная, даже в спектакле гениального режиссера — не гарантирует удачи. От провала не застрахован никто. В творчестве обязательно должна быть доля авантюризма. Неужели не рисковал Марк Захаров, когда ставил "Юнону и Авось", ставший классикой? Тогда это была езда в неизвестное — эксперимент для каждого, в том числе и для Владимира Васильева, пришедшего из классического балета, чтобы поставить танцы в рок-опере. В "Чешском фото" я то-

же ставил эксперимент. Не зная, какой режиссер Александр Галин, я точно знал, что он талантливый человек. Мне хотелось поработать с Александром Калягиным, и я рад, что мы сдружились на этой работе. Он оказался еще более интересным и талантливым актером, чем я предполагал.

— Но ведь вы на любую роль не соглашаетесь?

— Для актера это всегда проблема. Вот говорят: надо беречь себя, не распылять, не истощать, готовить себя к той самой главной роли своей жизни. Но ведь может получиться так, что, когда мне эту роль дадут, я уже не смогу сыграть ее... При этом, конечно же, нельзя соглашаться на заведомую халтуру. Надо искать золотую середину. Я думаю, что в моей работе процентов восемьдесят брака. Но без него не было бы остальных двадцати. И даже в среднем фильме, в не лучшей роли можно научиться каким-то приемам, которые потом помогут в другой работе. Что же касается молодых актеров, я считаю, что им надо сниматься везде. При теперешнем убогом состоянии кинематографа — особенно. "Мосфильм" вместо 50 картин снимает две, остальное — клипы и реклама. Поэтому актер должен сниматься везде, чтобы не потерять чувство камеры.

— Как вам игралось в первом русском сериале "Петербургские тайны"?

— Впервые сыграл в 48-серийном фильме. Мне понравился герой — дворянин, поручик, лихой, трогательный и смешной. Робин Гуд петербургских трущоб. Конечно, условия съемок были нелегкими, финансовое положение картины — еще более. Скажем, вывести героев на натурные съемки в город, снять их, к примеру, на петербургской набережной оказывалось совсем не по карману. Жил между Москвой и Петербургом. Полдня снимался, уезжал играть спектакль и — обратно. Мой герой — Сергей Антонович Ковров — попал в компанию замечательных актеров. Мы боялись надоесть друг другу за сериал, но, наоборот, сдружились. И когда почувствовали, что близок финал, загрустили.

— В актерской среде модно сейчас иметь свои передачи, телепрограммы...

— Артист должен заниматься своим прямым делом. Спектр его порой оказывается довольно широк. Я люблю му-

зыкальную сферу. Но роль ведущего — это совсем другое. Я побаиваюсь "ярлыка", зависимости от миллионной аудитории, однозначного амплуа шоумена. Но тут все зависит от конкретного человека. Возьмите, к примеру, передачу "Белый попугай". Юрий Владимирович Никулин — великий клоун и прекрасный актер — давний коллекционер анекдотов. Сам Бог велел ему вести эту передачу.

— Если актер Николай Караченцов станет телеведущим или снимется в рекламе, это, наверное, будет очень дорого стоить?

— Не знаю, не пробовал. Хотя наша страна — единственная, где существует квинтэссенция всего уродства, связанного с оплатой труда актеров. Если я не хочу и не могу заниматься бизнесом, мне нужно очень много работать, чтобы не терять уважения к себе в смысле материального достатка. Звезды Голливуда открывают рестораны не для того, чтобы свести концы с концами. Для достойной жизни им вполне достаточно быть звездой. У нас все не так.

— Театр — не место, где зарабатывают деньги, — сказали вы мне еще в первом нашем интервью. За годы, прошедшие с тех пор, ваше мнение не изменилось?

— Не изменилось. Актер, конечно, работает не за деньги. Он просто не может этого не делать. Если ему предложат хорошую, редкую роль, он снимется бесплатно.

— Сейчас среди артистической элиты стало модно жить за городом...

— С точки зрения экологической это полезно. Но у меня не получается, потому что пробки, потому что даже и полчаса езды от Москвы означают, что я на час буду меньше спать. Но я не жалею. Я продукт города, он въелся в мою плоть и кровь. Я урбанист.

— Как вы считаете, должен ли актер быть актером в жизни?

— Мне кажется, не должен. Более того, если человек все время играет — он не очень хороший актер. Актер должен себя беречь для сцены — это у него в подкорке. Не очень хороший профессионал может стараться обратить на себя внимание тем, что слишком будет разыгрывать анекдот.

— Помните, Андрею Миронову в театральном учи-

лище говорили, чтобы он меньше пародировал педагогов, а то не хватит на "свое"?

— Андрей — особая тема. Над ним все время висела проблема сына знаменитых родителей. Ему приходилось преодолевать звездную репутацию семьи. Для этого надо было работать вдосталь больше. Когда я с ним общался, он был разным: душой общества и первым за столом или, наоборот, тихим, молчаливым. И то, и другое было совершенно естественным.

— Ваша профессия помогает вам в отношениях с представителями власти, бизнесменами?

— Мне помогает не профессия, а положение, которого я благодаря ей достиг. Я стал заметным. Хотя к слову "популярность" я до сих пор отношусь с опасением, боюсь сглазить. Попадая в одно общество с нашей политической и деловой элитой, я с ними раскланиваюсь.

— Ну не только раскланиваетесь. Вы же партнер Президента по теннису?

— В паре с Борисом Ноткиным мы выиграли в 1993 году турнир "Большая шляпа", по условиям которого победители получают право на игру в теннис с Президентом страны. Собственно, это и есть главный приз турнира. Президент в паре с заслуженным мастером спорта Шамилем Тарпищевым обыграл нас. Мы боролись до конца, но Шамиль играет гениально, очень красиво, лихо.

— Говорят, вы не мыслите жизни без тенниса.

— Так. Когда есть дырка в расписании, мчусь на корт. Если не успеваю на теннис, то встаю на 40 минут раньше и нагружаю себя упражнениями.

— Часто ли вам приходят письма? С признаниями и любовными предложениями?

— Бывает.

— И как вы к ним относитесь?

— По-разному. Поклонницы выкладывают душу, иногда в стихах. Это вызывает интерес, жалость, порой радость и гордость, что я еще способен вызывать сильные чувства. Все же я надеюсь, что это реакция на плоды моего труда. Но стараюсь вести себя осторожно и тактично. Однажды одна поэтесса пришла в театр устраиваться на работу в костюмерный цех, чтобы быть поближе ко мне. А ей грубо ответили, даже на порог не пустили. Она

была очень одаренным человеком, не выдержала, напилась и прыгнула с крыши общежития. Я стараюсь не говорить на эту тему. Случаются письма с угрозами покончить с собой. Я не знаю, провокация это, попытка поймать меня на удочку или искренняя боль. Мой опыт подсказывает, что лучше не реагировать никак.

— Как вы считаете, в наше время престиж актерской профессии растет или падает?

— С одной стороны, настоящие артисты всегда были властителями дум — такие, как Басилашвили, покойный Стрельчик... С другой же — у обывателя в глубине души все равно живет представление об актере как "шуте гороховом". Такое вот двойное чувство. Я лично слышал, как один директор завода возмущался, что Галина Уланова — Герой Социалистического Труда. Конечно, спасибо судьбе за такую профессию, которая позволяет быть любимым многими. Но вот что важно: не зачисляться на вниманий к своей персоне, сдерживаться, не "дарить лицо", не ловить взгляд.

— За то время, что вы поете, изменилось ли ваше отношение к этому увлечению?

— Раньше я относился к этому по-детски восторженно, как это делает человек, не знающий нот, но тем не менее работающий с профессиональным композитором. Сейчас я отказываюсь от 80 процентов предлагаемого. В том, что поет драматический актер, должен быть характер, нерв, интерес. Последнее время работал с Максимом Дунаевским и Ильей Резником.

— Так шлягеры, наверное, будут?

— Посмотрим. Тематика лирическая. Снял два клипа. Работали месяц в Лос-Анджелесе, потому что здесь из-за нашей с Максимом занятости мы, несмотря на дружбу, ничего бы не успели. Там мы отвлеклись от обычной ежедневной суеи. Диск называется, как одна из песен, — "Август, сентябрь". Это вообще-то колыбельная. Но Резник действительно обладает тайной "шлягерных кодов". Вот, например: "Опоила, ослепила, оплела..." Увидите, это будет здорово.

Встречалась
Наталья КОЛЕСОВА.

Фото
Владимира БОГДАНОВА.